

Дарья Корелина

Небо на двоих

Дарья Корелина

Небо на двоих

<https://litres.ru/74300673>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где правят драконы и славянские мифы, доктор Токо Сакураи пытается доказать, что крылья можно вылечить без волшебства, с помощью науки и медицины. На пути к своей цели Токо не остановится ни перед чем. Ей нужен только пациент Х.

Она не ищет ни покровителя, ни спасителя. Судьба подбрасывает ей Кирилла — красивого, внимательного и на удивление здравомыслящего дракона, рядом с которым не приходится защищаться ни от насмешек, ни от давления, ни от чужих правил. Только одно «но»: он изгнан из княжеского рода и отец никогда не позволит ему подняться в небо. За Токо и Кириллом начинается настоящая охота.

Вихрь из бегства, притяжения и стремления достичь своей цели приводит Токо и Кирилла к краю пропасти. Каждый из них должен решить, что важнее: мечта или жизнь.

Содержание

1. Капучино, латте, эспresso?	4
2.	9
3.	13
4.	16
5.	21
6.	26
7.	31
8.	36
9.	42
10.	47
11.	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дарья Корелина

Небо на двоих

1. Капучино, латте, эспрессо?

– Послушайте моего совета. Профессор Дылдин прав. Вы впустую тратите время. – Седовласый дракон доверительно держал ее за локоть и говорил вполголоса, мягким, сочувствующим тоном. – Не восстановился – значит, не дракон. Незачем тратить на такого силы.

– Но он может полететь.

– Девушка, послушайте старика. Займитесь более насущными проблемами. Подготовкой спортсменов, например, или разработайте более удобную броню для армии. Проблему СПИДа решите, наконец.

– Благодарю за ваши рекомендации. — Она высвободилась и поклонилась, как принято в ее стране. – Извините.

Он проводил ее долгим взглядом, тень от его крыльев бледным пятном протянулась по обеим стенам.

Как будто ей мало было ханжества на выступлении, господин Климов решил «поддержать» ее в перерыве. До чего заботливые стали драконы. Лет сорок назад они умели только завоевывать и диктовать свои правила, а теперь оберегают молодых ученых от лишней работы.

Раньше она злилась бы гораздо сильнее. Как же пластичен человек! К чему угодно может привыкнуть. Теперь она может спокойно раздумывать, капучино или латте, после того, как ее облили очередным ведром презрения. Эти люди... Они просто боятся, что летающих станет больше, и им придется потесниться на своих богатеньких насестах. Лицемеры, брюзги. Если она не найдет спонсора в их среде, то найдет в другом месте. Но тогда они уже не смогут контролировать, как будут использоваться результаты.

— Доктор Сакураи?

Она обернулась. Щеголеватый дракон с образцовым телосложением и нормативной антропометрией легко избежал столкновения с диваном, перенес центр тяжести, поведя крылом, и оказался рядом с ней, сверкая белоснежной улыбкой. Пахло от него свежей сорочкой и местным парфюмом с цветочной нотой.

— Мы знакомы?

— Простите, не представился. Меня зовут Виктор, Виктор Парнасов.

Она задумалась, переводя на родной язык, дернула бровью:

— Сильное стечение смыслов.

— Смыслов? — приподнял брови Парнасов. — А! На Равнинах не очень смотрят на сочетание имени и фамилии. В моей семье всех старших сыновей называют Викторами. Я

слышал ваш доклад. Похоже, вы продвинулись значительно вперед, по сравнению с последней статьей.

– Вы читали?

– Да. Я работаю в смежной сфере. Только вы занимаетесь реабилитацией, а я нейрохирургией. Ваши теории относительно взаимодействия огненной магии и нервных волокон убедительны. А эти старики... Не обращайтесь на них внимание, они просто ненавидят молодых. Хотите совет от местного?

– Давайте.

– Когда они опять начнут брюзжать насчет практической ценности, скажите, что в этой аудитории примерно пятьдесят процентов драконов, для которых риск повреждения сухожилий выше в полтора раза против среднего показателя. Они же до смерти боятся потерять свои насиженные места.

– Благодарю, я обдумую ваши слова.

– Разрешите угостить вас кофе? Вы пьете кофе?

– Конечно, я пью кофе. Кто из младсостава не пьет?

Парнасов широко и обезоруживающе улыбнулся.

– Капучино или эспрессо?

Она выбрала латте, он – эспрессо, они чокнулись стаканчиками и отпили, стараясь не обжечься.

– Планируете остаться? Наша секция закончилась.

– Мой руководитель просила послушать все доклады и задать вопросы.

– Кстати. А где ваш руководитель? Неужели вы одна?

– Кое-что случилось, она не смогла полететь. А кто ваш руководитель?

– Соловьева. Та седовласая мегера, которая выступала предпоследней. Они и ее гнобят, но она живчик. Делать операции на мозге реально, и никакая водная магия для этого не нужна.

Сакураи посмотрела на Парнасова с другой стороны. Выходит, он пытается двигаться в том же направлении, что и она: операции, немагическое вмешательство, работа с нервами как с биологической структурой, а не магическим проводником.

– Не сочтите за бестактность. Но могли бы вы представить меня своему руководителю?

– Именно это я и хотел вам предложить. Уверен, она сама умирает от нетерпения. В нашей стране слишком много лобби и слишком мало таких решительных экспериментаторов, как доктор Сакураи.

– Звучит убедительно, я почти поверила.

Она не возражала, когда Парнасов, по местной привычке, положил ее пальцы себе на сгиб локтя и повел в аудиторию. Красный ковер заглушал шаги, чуть раскрытые крылья прикрывали Сакураи от яркого света, от плеча шел тонкий запах свежести и цветов, приправленный ощущением силы и уверенности.

– После вас.

Он слегка поклонился, как на светском банкете, Сакураи

усмехнулась уголком губ и, проходя в двери, поправила пуговицу на блузке.

2.

Каблуки и звонки

– Куда ты собрался?

Кирилл вздрогнул и посмотрел на отражение матери в ростовом зеркале. Она скрестила руки на груди и стояла в дверях, как Морана. Черное платье с кружевом только усиливало сходство.

– Сегодня она будет в ГТБ-арене.

– Ты впустую тратишь энергию. Тебе уже сказали, что шансов нет. Не позорься. Дракон или нет, ты все еще Воронцов.

– Мы не можем остановиться. – Кирилл сильнее, чем нужно, затянул портупею и обернулся к матери. – Мы потратили слишком много сил и времени, чтобы сдать сейчас.

– В лучшем случае она ничего не сможет. А в худшем – изуродует крылья, которые дались нам такой дорогой ценой.

Вместо ответа Кирилл достал из шкафа сапоги на стальных набойках. Лицо матери сменило несколько эмоций, в конце концов, победила тонкая улыбка:

– Нарядился как на свидание.

– Хочу произвести хорошее впечатление. Но и показать, что чего-то стою.

– Стальные набойки скользкие.

– Я помню. Не маленький.

Он натянул парадную обувь, смахнул невидимые пылинки, проверил, что золотая вышивка в целости, а каблуки начищены. Последний раз он так старался на свадьбу старшего брата. Правда, тогда его даже за ворота отцовского имения не пустили. Но теперь он будет на своей территории.

Сверкающий холл ГТБ-арены, как всегда, вызывал смутные ассоциации с лабораторией и операционной. Чинно собиравшиеся зрители заполняли от силы пятую часть помещения. Драконы были в респектабельных портупеях поверх алых и белых сорочек, женщины — в меховых боа. Грамотно организованная подсветка заставляла сверкать мужские каблуки и женские драгоценности, не создавая эффекта шума. Кирилл остановился и перевел дыхание.

– Нужно найти ее до первого звонка.

Он обвел взглядом гостей, афиши, кассы. Внутренняя стена была, по сути, гигантским табло и витриной одновременно. От пола до потолка — логотипы, самые яркие моменты представлений, рекламные и информационные плакаты и самые разнообразные товары, относящиеся к артистам, музыке и самой ГТБ-арене. Кирилл слегка улыбнулся, вспомнив, что владелец обратился к нему за помощью, когда задумал сменить дизайн парадной, добавить современных нот.

Раздался первый звонок. Служки с серебряными подносами отошли от последних гостей, еще не взявших в аренду бинокль, программку или содержание песен. Дамы заторо-

пились, поправляя последние детали прически. Среди кипели русых и белых голов Кирилл не видел ни одной черной. Только двое служек мелькнули темными макушками и скрылись в подсобном помещении – отдыхать до антракта и переодеваться в официантов.

Ее нигде не было. Ни у касс, ни среди гостей. Кирилл нервно поправил португепю и по привычке пошевелил левым крылом. За столько лет он бесчисленное количество раз повторял это движение, чтобы доказать, что крыло живое.

Второй звонок. Владелец вышел к гостям, приглашая занять места в ложах, драконы попроще и нелетающие отправились в партер, шумя и обсуждая «Мосты». «Мосты» и впрямь стоило обсудить – культовая группа, и в ГТБ презентует свой новый альбом, «Лада».

Кирилл с тяжелым сердцем сделал шаг. Сейчас ему нужно идти в ложу, кажется, в левую. А нет, в правую. Он резко повернул.

Клац!

Она появилась неожиданно, очевидно, тоже перепутала ложе. Он попытался затормозить, каблуки скрипнули о мраморный пол, и он с позорным грохотом рухнул.

– Вы живы?

Его ноги, как похотливые кабели, пролезли между ботинками доктора и застряли где-то в темноте ее шлейфа-амазонки. Кирилл перевел обескрыленный взгляд на азиатское лицо в медовой кожей и тонкими, будто нарисованными ту-

шью чертами.

– Доктор Сакураи... Спасите меня.

– Вам больно?

Она попыталась подать ему руку, чтобы помочь, но в одной она держала бинокль, а в другой – кофе. Горячая капля вырвалась из-под пластиковой крышки и впиалась в белоснежную рубашку.

– Простите!.. – спохватилась Сакураи.

– Какие-то проблемы?

Как всегда, из ниоткуда возник владелец, его холеные крылья тут же прикрыли женщину от яркого света, а цепкие глаза уставились на того, кто нарушил порядок в его владениях.

– Кирилл? Вы разучились ходить?

– Простите, граф, не заметил госпожу, и мы столкнулись.

– Доктор Сакураи Токо, – представилась «госпожа».

– Наша почетная гостья, – вежливо поклонился владелец, но в его подтоне Кирилл недвусмысленно прочитал проблемы, которые ему грозят в ближайший рабочий день. – Ваша ложа – в третьем секторе. Позвольте, я провожу вас.

– Доктор Сакураи. – Она обернулась. – Я могу провести вас в примерку в перерыве. Найдите меня.

– Обработайте ожог.

Третий звонок.

3.

Без спутника

Юноша, упавший у ее ног, никак не выходил у Сакураи из головы. Не только потому, что столкновение было неожиданным. Он был невероятно красив: тонкие черты лица, симметричное телосложение, мягкие кудри, большие, цвета медного купороса глаза. Он мог бы сойти за изнеженную звезду, если бы не очевидный изъян в крыльях. Симметричные по форме, они не были синхронными в движениях. При падении левое крыло поднялось выше, правое – ниже и замедленно. Незначительная деталь, которую не-специалист и не заметит, но только пока дракон на земле. В небе, скорее всего, помешает полету.

Причины асинхронности могут быть разными, но большинство из них современная медицина научилась решать. Огненная магия, хоть и не работает на тонких структурах и бесполезна против клеточных сбоев и вирусных цепочек, прекрасно восстанавливает кости и сухожилия. Конечно, сложная магия не всем доступна по стоимости, но упавший юноша явно не был из бедной семьи, и владелец арены обращался к нему на «вы». Сакураи достаточно долго изучала крылья драконов и общалась с местными учеными и энтузиастами, чтобы уловить разницу. К служкам граф обратился бы на «ты» и, возможно, короткой формой имени... А какая

краткая форма у имени «Кирилл»? И что оно означает?

От размышлений ее отвлекла любимая песня. «Мосты» сменили соло-гитару на гусли, басист чуть ниже наклонил голову, а солист сделал особый жест, который на каждом концерте предшествовал грустной мелодии о сожженной переправе и оставшейся вдали надежде, о разрушенной семье и последней просьбе: «Поцелуй меня на прощание». На глаза Сакураи навернулись слезы. Ничего подобного с ее семьей не случилось, но почему-то каждый раз песня отзывалась в сердце и заставляла вибрировать каждый нерв.

С этой минуты музыка захватила ее целиком, и она забыла обо всех заботах и тревогах. Ей наконец-то удалось попасть на живой концерт любимой группы. «Мосты» почти не выезжали за границу, щедро компенсируя свое отсутствие тем, что поддерживали фанатские клубы: мерч, бонусные треки, стримы с синхронным переводом и субтитрами. Но это не сравнить с живой энергией выступления, с огнем Ярилы, которое то веселит, то печалит, то тревожит, но неизменно возрождает тебя из пепла, поднимает над суетой, дает силы двигаться дальше.

В перерыве Сакураи едва помнила, где она и зачем. Ей все еще хотелось подпевать и хлопать в ладоши, но драконы слева и справа поднялись и устремились на выход – она последовала за ними. Свет в фойе был слишком ярким и плоским. Кто заботливо прикрыл ее тенью крыльев. Сакураи повернулась. Незнакомый аристократ вежливо кивнул и осве-

домился:

– Вы без спутника?

– Так сложилось. Спасибо. Мои глаза уже привыкли. Благодарю за беспокойство.

Она поскорее отдалилась, чтобы дракон не счел своим долгом сопровождать ее, как рыба-прилипала. Сакураи снова вспомнила о Кирилле и поискала его глазами. Насколько сильно она обожгла его кофе? Что значили его слова «спасите меня»? Что точно с его крыльями? И... Кажется, он сказал, что может провести ее в примерку. В примерку?! Сакураи одернула себя. Суэта убивает душу.

Все головы были одинаково светлыми и кудрявыми, укладки и те почти не отличались. Все крылья поддерживали однотипные портупей, а все каблуки поблескивали одинаковыми искрами.

– Позвольте надеяться, что вы ищите меня, – раздался мягкий голос слева.

4.

Яркое солнце Равнин

Сакураи мгновенно обернулась. И не сдержала улыбку: нет, не все драконы на одно лицо. Определенно, у некоторых глаза более синие, а черты более изящные.

– Кирилл.

– Пойдем?

— Да.

Только когда они отделились от гуши крыльев и боа, а подсветка стала не такой яркой, Сакураи спохватилась:

– Мы идем в гримерку?

– Да. Я ведь обещал провести вас.

Он шел вполне уверенно, не поскальзываясь, слегка расставив крылья, как требовал этикет. Такой совершенно нормотипичный юный дракон. Разве что парфюм был странным, без цветочных нот. Скорее, соленый бриз.

– Ч-что-то не так?

Он смутился под ее взглядом и покраснел, на носу проступили веснушки, а в ушной раковине тонкая сеть огненных каналов.

– Простите. Вы появились как загадка... А я не могу спокойно смотреть на неразрешенную загадку.

– Я ничего не понял, – признался Кирилл и неловко улыбнулся. – Если вы имеете в виду, что я не представился, согла-

сен. Меня зовут Воронцов Кирилл, мне двадцать пять лет, и я администрирую гримерки ГТБ-арены.

– Так вы подчиненный графа?

– Нет. То есть, не совсем так. Я подчиненный своей матери. А она, скорее... Подрядчик или даже партнер графа.

– Как вам удалось договориться с Яромиром? Он обычно никого не допускает в гримерку.

– Мы с ним хорошие знакомые. Я его попросил.

– Ради меня?

– Конечно.

– Почему? Вам от меня что-то нужно?

– Давайте обсудим это позже. Сейчас это не важно.

Они свернули в коридор, по бокам которого тянулись однотипные двери с дубовым узором по краю. Сакураи отметила, что дизайн отличается от парадных помещений: ближе к национальному, более консервативный, но в то же время более возвышенный. Вспоминались буквы из старинных летописей, величие драконьего пантеона, Полуденница, которая заставляла неугодных танцевать до смерти. В такой гримерке и себя начинаешь ощущать немного богом.

– Это вы разрабатывали дизайн?

– На самом деле, мы провели опрос, изучили предпочтения и ощущения разных артистов и вывели такую формулу. – Он сказал это едва ли не извиняясь. Как будто не было вложено никаких усилий. – Многие артисты ощущают гнет недооцененности. Аристократы боготворят их в зале и пре-

небрегают ими в свете. А между тем никто не может так повлиять на душу, как талантливый артист. А без души чем будет человек? Согласны?

– Да.

– Вот, мы пришли.

Кирилл деликатно постучал в дверь – звук был достаточно звонкий: внутри двери были полами. Что ж, дешевле не значит хуже. Точно не Сакураи, выросшей в семье районного учителя, осуждать людей за экономию.

– Яр, приветствую. Можем зайти?

С той стороны пригласили, и Кирилл открыл дверь. Гримерка была просторной, в ней легко могли расправить крылья два взрослых дракона. Стойки для одежды и инструментов, зеркала с подсветкой, органайзеры для грима, столик с водой и закусками... Сакураи ничего этого не заметила, потому что смотрела только на Яромира. В рубашке с глубоким вырезом, медовым отливом кудрей, широко расставленными водянисто-голубыми глазами, отчего казалось, что он вот-вот примет форму первородного предка, а крылья! С крепкими загнутыми шипами на вторых суставах, с красным отливом и прожилками всех оттенков синего, от фиолетового до нежно-голубого. Даже если он их подкрашивал, это не умаляло их красоты.

– Здравствуйте!

Сакураи поклонилась в пояс, Яромир ответил тем же. Потом второй и третий поклоны, и только затем он пригласил ее

садиться на любой свободный стул. Сакураи осталась стоять.

– Меня вы знаете. А как вас зовут? Кир говорил, но я, кажется, забыл, простите.

– Сакураи Токо.

– Сакураи – знаю. А что значит Токо?

Она покраснела, не веря, что кумир в самом деле интересуется ее именем. Вкратце объяснила, что оно состоит из двух иероглифов: огонь и ребенок. Можно перевести как «Огненное дитя».

– Сильное имя, – кивнул Яромир. – Знаете о наших огненных бутонах?

– Да. Мифическое дерево, на котором распускаются огненные цветы. Если завладеть бутонем, можно управлять чужими мыслями.

– Верно.

Сакураи покраснела еще сильнее. Она никогда не проводила такой параллели, ее имя казалось ей неудачным, как будто она вечный ребенок, к тому же опасный, приносящий боль, обжигающий.

– Автограф? – предложил Яромир.

– Я... Простите, я не взяла...

– Кирилл позаботился, – успокоил Яр, взял со столика книгу своих стихов и маркер. – Что вам пожелать?

– Победы!

Яромир улыбнулся и размашисто подписал титульный лист: «Сакураи Токо, гори и побеждай». Она прижала книгу

к груди и быстро спрятала в сумочку. Опомнилась, что ведет себя как чокнутая фанатка... Впрочем, она и была чокнутой от счастья фанаткой.

– Вернемся в фойе, – мягко позвал Кирилл. – Группе нужно подготовиться. Спасибо, Яромир.

– Не вопрос. Увидимся завтра.

– Если мама отпустит, – усмехнулся Кирилл. Очевидно, это была их кодовая шутка: Яромир ответил зеркальной усмешкой. Драконы обменялись дружеским поклоном, потом Яр со всей серьезностью поклонился Сакураи, она повторила. И не запомнила, как оказалась в конце коридора.

– Вам понравилось?

– Очень! А почему Яромир был так вежлив? Не похоже на общение с обычной фанаткой.

– Вы не обычная фанатка. Вы ученый, я рассказывал ему о ваших исследованиях.

– Зачем?

– Я не должен был? – он поднял брови домиком, так что Сакураи себя почувствовала чудовищем, отнявшим конфету у ребенка.

– Просто... Не думала, что музыканту интересны мои исследования.

– Он считает, что вы делаете то же, что и он.

5.

Старая кофейня

Сакураи остановилась и посмотрела на Кирилла долгим, внимательным взглядом, а когда он готов был забормотать оправдания, спросила:

– Я делаю то же, что Яромир?

От волнения слова вылетели из головы, а кровь опять предательски прилила к ушам. Опять он сказал какую-то глупость? Но у него же была какая-то мысль.

– Я имею в виду...

– Что вы имеете в виду?

– Ну... Вспомнил! Когда мы говорили с Яром, он сказал, что вы тоже... Ваши исследования, они доказывают, что самые красивые и крепкие крылья не могут значить больше, чем сам дракон. Я глупость сказал?..

Сакураи еще несколько секунд смотрела на него, как кошка на мышь, ничего не ответила, только дернула подбородком, то ли соглашаясь, то ли споря, и быстро вышла в фойе.

– Подождите!

Кирилл чуть было не побежал, но мгновенно вспомнил позорный пируэт и шагнул на гладкий пол плоской стопой, каблук сверкнул в подсветке – крылья машинально приоткрылись. Сакураи обернулась и замерла, как настороженная птица. Подсветка украсила ее черные волосы бриллианто-

ВЫМ ВЕНКОМ.

– Что?

– А... Мы можем поговорить после концерта?

– По поводу вашего спасения?

Кирилл кивнул, прикусив губу, и развел руками, как бы признавая поражение. Сакураи обежала его оценивающим взглядом, чуть дольше задержавшись на правом крыле, сморщила нос и кивнула:

– Хорошо. Но концерт закончится поздно. Лучше зайдите за мной в гостиницу завтра утром, в десять по местному времени.

– Хорошо! В какой гостинице вы остановились?

Она сказала название, пожелала быть осторожным на скользком полу и пошла к третьему сектору, сжимая сумочку одной рукой и поправляя волосы другой. Черная фигурка скользила как тень в сияющем белом пространстве, кто-то из светских драконов предложил ей заботу – она легко и мягко уклонилась, словно темная струя воды, обогнувшая камень. Кирилл тряхнул головой и напомнил себе, что красота в докторе Сакураи не главное. Важнее – возьмется ли она за его крылья.

Кофейня, в которую он привел ее, была другой. Было трудно подобрать точное определение, но она как будто звучала на другой частоте. Темные сводчатые потолки, стрельчатые окна с готичными драконами, выдыхающими витраж-

ный пар, массивные деревянные столы и мягкие диваны, на которых драконы могли разложить крылья, а женщины и иностранцы — опереться об удобную упругую спинку. По стенам вился искусственный плющ и камень, это неуволимо напоминало горное ущелье у горячих источников, куда Сакураи ездила с дедушкой несколько раз.

– Вам нравится? Я подумал, здесь не будет такой суеты и...

– Нравится, – перебила Сакураи и немного удивилась собственной грубости. Кого угодно, только не ее можно было обвинить в слабой вышколенности. Невозможно получить докторскую степень в 27, если не умеешь управлять эмоциями и соблюдать внешние правила. В Стране восходящего солнца ученый – прежде всего клерк. Он должен быть точен как компьютер и вежлив как слуга. Почему же все ломалось рядом с этим драконом? От этого было некомфортно.

– Я расстроил вас?

– Нет. Давайте сделаем заказ.

– Конечно.

Он подал ей раскрытое меню, Сакураи поскребла по краю кожаной обложки ногтем. Этот жест Кирилла, когда он пододвинул меню, он не был покровительственным или подобострастным, что-то в манере этого молодого человека вызывало сбой в ее привычной картине мира. Сакураи нахмурилась и сосредоточилась на кириллице. Такое невообразимое количество знаков, чтобы обозначить какое-нибудь од-

но-единственное блюдо. В научных статьях была та же проблема: любое понятие расписывалось цепочкой крючков и завитушек, а церемониальные формулировки, вроде обзора предыдущих работ по теме, так плотно вплетались в канву основного материала, что невозможно было их подцепить и выбросить из внимания. Равнинные статьи всегда приходилось читать дольше, а голова уставала сильнее. Как только драконы живут во всем этом велеречивом шуме?

В конце концов Сакураи остановилась на том, что звучало скромнее: латте и вишневый штрудель. Кирилл, как заправский официант, тут же подхватил одно меню и исчез в дальнем конце зала, чтобы сделать заказ. Она обернулась. Кирилл же мило болтал с бариста, что-то расспрашивал о чане с темно-фиолетовой энергией для приготовления ледяных напитков, вдумчиво кивал и белозубо улыбался. Сакураи хмыкнула и отвернулась. А когда он поставил перед ней кофе и пирог, не удержалась от колкости:

– Вы и здесь администрируете?

– Да. Но обычно нет.

– Как это?

– Теоретически, мы администрируем зал, но практически из сотрудников, которых мы наняли, только бариста, посудомойщик и уборщица. И они прекрасно справляются без нашего руководства. Поэтому я просто захожу сюда выпить вкусный узвар и поспрашивать о текущих делах. Тигель, например, помутнел. Я и не заметил... Не уверен, что вам ин-

интересно, это такая рутина.

Он снова улыбнулся и сел, наконец, за стол, разложив крылья. Теперь Сакураи видела их почти целиком. И чутье подсказывало, что что-то с ними не так, но объективно крылья были симметричными, если не считать менее развитой маховой мышцы на правом крыле, рисунок сосудов — нормотипичный... Сакураи спохватилась и перевела взгляд на лицо. Оно было немного красным, с веснушками, но это было не смущение, скорее, волнение. Глаза потемнели и смотрели на нее пристально и вопросительно.

— Простите, я изучаю крылья, и поэтому смотрела внимательнее, чем принято. Это профдеформация.

— Доктор Сакураи, что вы увидели? Это крыло — неправильное?

Она повела бровью и посмотрела более внимательно. Кости, сосуды, суставы, коготь — все абсолютно нормальное... Кирилл переменил позу, напряг маховые мышцы, и в полумраке стали видны каналы огненной магии. Вот оно!

6.

Особенные крылья

– Анервация! – выдохнула Сакураи, не веря собственной удаче. Кирилл кивнул со вздохом:

– Да. Кости, мышцы, связки – все в порядке. Я могу шевелить крылом, открывать и закрывать. Но я не могу на него опереться и...

Он замолк, как смолкают при упоминании об усопшем. Сакураи продолжила логику сама, опираясь на рисунок с недоразвитыми, как будто оплавленными полосками огненных каналов и большими промежутками между ними. Вибрации — особые нервные окончания в нитевидных мышцах, которые управляют жесткостью крыла. Без них дракон не может опереться на крыло, а в воздухе, если зафиксировать крыло искусственно, не ощущает потоков и вихрей воздуха — не может маневрировать и выполнять пируэты. А без этого невозможно пройти инициацию и получить статус дракона.

– Их мало, – хмуро, как будто спорил, сказал Кирилл, – и некоторые из них спят.

– Спят, – повторила Сакураи, мысленно открывая конспект в зеленой тетради с оранжевыми закладками-стикерами.

– Но давайте сначала поедим.

Она моргнула. Как еда может быть важнее крыльев? Но Кирилл настойчиво пододвинул Сакураи тарелку с пирогом и коробку с приборами. Вид при этом у бескрылого был такой, словно отказ смертельно его обидит. Сакураи методично рассекла штрудель на кубические кусочки со стороной 1,5 см. Параллельно она рассчитывала: безусловно, ключ проблемы в нитевидных мышцах, которые почему-то не сформировались или дремлют. Но эти мышцы пронизаны нервными окончаниями. В отличие от рукокрылых, у драконов крылья, с одной стороны, не боятся солнечного света, а с другой — чувствительны. В них есть рецепторы ветра, боли, звука и даже щекотки. Говорят, внутренняя сторона крыльев драконов — эрогенная зона. Иными словами, работа с нитевидными мышцами неразрывно связана с нервными волокнами. Их пробуждение, а тем более — восстановление или имплантация станет настоящим научным прорывом и беспрецедентным доказательством, что огненные каналы сопутствуют нервам, а не пролегают в них, и нервы можно реабилитировать без магии!

Она отправила в рот последний кусочек, не останавливаясь, выпила полчашки кофе и заговорила, едва отняв салфетку от губ:

- Вы это имели в виду, когда просили спасти вас?
- Ваши исследования касаются восстановления чувствительности крыльев, – подтвердил Кирилл. Его узвар остался нетронутым, пальцы сцепились в замок на стакане, как когти

первородного предка — на башне с принцессой.

— Вы считаете, что я могу решить вашу проблему?

— Да.

— Мои исследования еще ни разу не проводились на драконе. У меня только пророщенные образцы крыльев и летучие обезьяны.

— Вам нужен пациент X, а мне — пройти инициацию как можно быстрее.

— Зачем?

— Это не важно. Мы можем быть полезны друг другу.

— И вы готовы рискнуть?

— Да.

Она задумалась, перебирая в уме варианты, аргументы, а больше всего — страхи. Провал, испорченные крылья, позор, всеобщее презрение... Неясная мотивация. Ради чего он так рискует? Почему верит в ее исследования? Что он скрывает? В чем подвох? Что, если его подослали, чтобы доказать несостоятельность ее теории?

— Давайте пройдемся, мне нужно подумать.

Он молча кивнул и встал. Сакураи запоздало подумала о счете, но Кирилл уже галантно открыл двери. Сакураи вспомнила, что бариста — его сотрудник, и вышла на улицу. Здесь было солнечно, пахло выхлопными газами самолетов, по тротуарам спешили люди, с крыльями и без, чей-то ребенок упустил воздушный шарик и истошно заревел.

— Давайте пойдем на мост, — предложил Кирилл, и голос

его был снова мягким и тихим, как шепот чайника на углях. Сакураи кивнула и сама положила руку не его локоть. Кирилл приоткрыл крылья и повел ее вверх по асфальтовому тротуару, по тенистой стороне улицы. По центральной части катились редкие мопеды на воздушной тяге, и еще более редкие велосипеды. Основное движение было вверху, в районе третьих этажей.

– Никак не привыкну, – призналась Сакураи.

– К пустым улицам?

– Да. У нас в основном передвигаются на колесном транспорте. А у вас даже трамваи в воздухе.

– Монорельсы. Мы привыкли, что внизу свободно. У нас же крылья.

Они прошли несколько улиц, Кирилл рассказывал об истории Равнин и их обычаях, перемешивая даты с шутками и время от времени вставляя диалоги на разные голоса. Сакураи сначала улыбалась, потом улыбалась широко, а потом уже заходилась смехом, закрывая рот ладонями и останавливаясь, чтобы отдышаться. Особенно уморительно Кирилл изобразил Сорбонейцев, которые пришли на Равнины, чтобы подарить крестьянам права и свободы, думали, что их будут носить на руках, а их встретили сожженной столицей.

– У нас это по-другому рассказывали!

– Не так интересно?

– Совсем не так!

Они дошли до широкого моста со львами на опорах в на-

чале и конце и облокотились о перила. Выше по течению возносилась колоссальная статуя первородного предка, обхватившего лапами земной шар и изрыгающего в небо столб пламени.

– Колоссально, – поразилась Сакураи, практически чувствуя, как когтистые лапы стискивают ее плечи и пригибают к земле.

– Если посмотреть на то, как сложены крылья, то виден круг, это солнце. Круг – символ порядка. Считается, что дракон ведет мир к порядку.

– Вы правда так думаете?

– Я? Нет.

– Кирилл, зачем вам инициация? В современном мире не нужно быть драконом, чтобы преуспеть.

Его лицо как будто потемнело, он взглянул на нее сбоку и сверху, медленно развел и свел крылья.

7.

Темный двойник

– Это личное.

Сакураи недовольно вздернула подбородок и отвернулась. Кирилл ждал, что она скажет: будет настаивать, откажется помогать, начнет предполагать, выдавливая из него причины?

– Предположим. Этой причины достаточно, чтобы не бросить?

– Да. Мы делаем это уже двадцать лет. Я не могу остановиться. Вы моя последняя надежда.

Сакурай взглянула искоса, что-то прикинула в уме и неожиданно сменила тему:

– А чем вы занимаетесь? Почему администраторы отдельно, а владельцы отдельно?

– Просто традиция. Владельцы – аристократы, но у них не всегда есть талант управленцев. Поэтому есть администраторы, которые решают эту проблему.

– Выходит, – Сакураи отвернулась от дракона с земным шаром в когтях и пристально посмотрела Кириллу в глаза, – ваш талант – договариваться с людьми?

– Талант? – Кирилл чуть было не начал оправдываться, что его способности слишком скромные, и что договариваться – вообще не талант, нет ничего сложного в том, чтобы до-

говориться, главное – сохранять доброжелательность... Он прикусил губу и ответил коротко. – Да, это одна из задач администратора.

Сакураи чему-то улыбнулась, ее поза стала более расслабленной, а глаза заговорщицки сверкнули.

– Это хорошо. Потому что, чтобы осуществить вашу мечту насчет крыла, нужно кое с кем договориться.

– С кем? На Равнинах?

– В этом городе. Сегодня конференция заканчивается в восемь по местному времени. Приходите к Саммит-центру.

– Хорошо, – Сакураи пошла назад, к выходу с моста, Кирилл обогнал и заглянул ей в лицо, – но с кем вы хотите, чтобы я договорился?

– Хотите знать?

– Да.

– Очень хотите?

– Доктор Сакураи...

– Ну, хорошо. – Она довольно улыбнулась, продолжая шагать в сторону львов. – Профессор Соловьева, кандидат медицинских наук. Она работает в смежной сфере. Я не знала, что у нее есть своя лаборатория.

– Она у нее появилась не так давно, – без энтузиазма подтвердил Кирилл. – О чем вы хотите с ней договориться?

– Я хочу работать в ее лаборатории.

Он застыл, как от удара по лицу. Этого только не хватало! Сакураи удивленно обернулась и тут же скрестила руки на

грудь.

– Отказываетесь?

Он постарался убрать с лица чувства и выяснить, почему именно этот профессор и именно эта лаборатория, отговорить. Сакураи настаивала. Она не ругалась и не переходила на личности, методично приводя аргументы и подводя итоги, но лицо ее стало жестким, а между бровей пролегла морщинка. Кирилл чувствовал, как у него заканчивается кислород в легких.

– Доктор Сакураи, эту лабораторию спонсирует не самый... Для Меньшиковых нет преград, их не волнует этика на пути к цели.

– Вы снова говорите загадками, – отрезала Сакураи.

Кирилл огляделся, как будто их могли подслушивать, и сказал тише:

– Они не очень хорошие люди.

– Как это может помешать исследованиям?

– Если исследуют такую сложную тему, точно преследуют личные выгоды.

– Тем лучше. Личная заинтересованность спонсора гарантирует стабильность поступлений.

– Да, конечно, вы правы. Но... Им нельзя доверять.

– Чего конкретно вы опасаетесь?

– От них чего угодно можно ожидать. Не удивлюсь, если они украдут результаты.

– Ваши страхи не имеют к делу отношения и ничем не

подтверждены. У них есть оборудование, источники, сотрудники, доступы. Без всего этого ваше крыло не восстановить.

– Лучше найти лабораторию за границей.

– Вы ошибаетесь. За границей наши ресурсы ограничены. Равнинные ученые крайне мало выкладывают научных работ в открытый доступ.

Кирилл еще раз обдумал ее слова и аргументы. Ему совершенно не хотелось связываться с Меньшиковыми. Он привел последний довод:

– Я уже обращался к Соловьевой.

Его мягкий голос и готовность помочь, очевидно, были профессиональной маской. Сакураи досадливо щелкнула автотурочкой. Хорошо, что разговор зашел о Меньшиковых, его эмоции показали себя раньше, чем он успел их спрятать. Он очевидно двуличен. И теперь совершенно неясно: он не хочет, чтобы она сотрудничала с Соловьевой, потому что боится быть раскрытым, или потому что не хочет, чтобы открытие досталось конкурирующему роду? Что вообще за средневековье! Разборки между родами – это как межклановые войны, какой бред! В современном мире...

Аспирант с выпученными от страха глазами загородил собой экран, и половина презентации превратилась в принт на его белоснежной сорочке с пятнами пота под мышками. От волнения докладчик перепутал железы с аденоидами и повторил свою ошибку раза два. Сакураи сочувственно взгля-

нула и вычеркнула последнюю записанную строчку. Как-нибудь доктор Ватанабэ проживет без компиляции научных статей, посвященных очередному сравнению небных миндалин у крылатых и бескрылых людей.

Кирилл и его темный двойник, дважды показавшийся на мосту, были куда значимее. Идеальная проблема крыльев: анервация и нитевидные мышцы. Идеальный возраст: полностью сформированная структура и стабилизовавшийся гормональный и магический фон, в то же время не начавший регрессии.

Сакураи украдкой достала гонца и отправила сообщение своей наставнице: «Кто такой Кирилл Воронцов, 25 лет? Хочет быть пациентом Х». Пока она ждала ответ, аспирант успел опозориться на вопросах из зала и смениться молоденьким лаборантом в огромных очках-консервах, который выкатил аквариум с плавающими... половыми органами тритонов. Пиликнуло входящее сообщение, Сакураи потянулась за гонцом — аудитория загудела на разные тона, достопочтенные светила науки закашлялись, захихикали, завопили, поднимаясь с мест, кто-то требовал дополнить комплект, а кто-то — убрать срамоту, чье-то крыло толкнуло Сакураи под локоть, она едва не выронила гонца. Уставшие за день ученые решили сорвать последний доклад и скорее отправиться по ресторанам. Кожистые крылья разных оттенков заслонили свет ламп.

— Вот вы где!

8.

Зачем нужны женщины?

– Ведь я предупреждал, чтобы вы не решали на моей территории свои бескрылые вопросы.

Владелец ГТБ-арены сидел в кресле, уперев в пол массивную трость с набалдашником в виде драконьей головы. Жест эффектный, но слишком театральный. Кирилл вежливо поклонился:

– Я помню о нашем договоре и не посмел бы его нарушить.

– Боюсь, я расслышал «спасите меня», подходя к госпоже Сакураи.

– Я имел в виду свое бедственное положение, как вы помните, я упал, совершенно потеряв лицо.

Владелец изогнул бровь и прищурился левым глазом, затем медленно перевел дыхание и встал в полный рост, расправляя крылья. Тень, упавшая на молодого человека, должна была испугать и подавить, но Кирилл только еще раз вежливо поклонился и предложил сигару. Владелец милостиво сложил крылья и взял одну:

– Кондо?

– С высокогорных плантаций, – подтвердил молодой человек и ловко щелкнул пальцами, направляя тонкий поток огня в изящную рамку-прикуриватель, закрепленную на указательном пальце с помощью кольца. Владелец затанулся и

некоторое время задумчиво разглядывал младшего партнера, пуская сизые клубы дыма. Затем пришел к какому-то заключению и миролюбиво пророкотал:

— К чему все эти хлопоты? Вы обеспечены, востребованы, молоды, привлекательны. Погоня за несбыточными мечтами лишь испортит вашу жизнь.

— Позвольте мне не отвечать, — натянуто улыбнулся Кирилл.

— Ну, что ж... — Выпустил новый клуб дыма владелец. — Ваше право. Контракт с «Желтым кубом» я подписал. Возьмите у секретаря. Что насчет зеркал? Яромир жаловался, что они блеклые.

— Я распорядился о замене трех зеркал. Старые отправятся в бар, где будут работать на атмосферу.

— В Бычье сердце?

— Совершенно верно.

Владелец кивнул, все еще погруженный в философские размышления, потушил недокуренную сигару о серебряную пепельницу и вышел, не отдав распоряжений насчет остальной коробки. Кирилл, уже зная его привычки, просто передал их секретарю. Девушка широко улыбнулась, принимая гостинец для шефа, и понимающе подмигнула:

— Помирились?

— Кажется. Кажется, для меня должен быть договор с «Желтым кубом».

Секретарь придержала ленту на шелковой блузке, выуди-

ла из-под столешницы файл с тонкой стопкой листов и протянула Кириллу. На первой же странице была опечатка, но об этом не стоило упоминать. Секретари у владельца менялись чаще, чем настроение, и каждая новая приходила с совершенно свежей и не замутненной опытом головой. Кирилл поблагодарил.

– Не хотите кофе? – девушка придержала документы и открыто посмотрела в лицо молодому человеку.

– Заманчиво, но не сегодня: много дел. Как насчет завтра? Мы могли бы даже пообедать.

– Тогда до завтра, — сверкнула белоснежными зубами девушка и с довольным видом вернулась к бумагам, компьютеру и принтеру. Кирилл хмыкнул и поторопился, пока еще у кого-нибудь не возникло желания поболтать. Договор в «Кубе» ждали еще вчера и за утро, пока он гулял с Сакураи, успели дважды позвонить.

При мысли о Сакури Кирилл помрачнел. Далась ей эта Соловьева! Неужели нет на Равнинах более подходящей лаборатории? Было давно за полдень, а он все еще не мог решить: лететь к Саммит-центру или нет. Так и подмывало поговориться с матерью, но ее ответ он предвидел с точностью до секундной паузы. Меньшиковы – последний род, с которым Кирилл хотел бы иметь дело. И дело не только в их дурной репутации или в высокомерии Соловьевой. Кирилл раздраженно хлопнул дверцей самолета и назвал адрес. Таксист посетовал в усы, что так грубо обращаться с техникой

нехорошо.

– Такой молодой. Что нервничаешь? Вся жизнь впереди.

– Моя жизнь еще не началась, – рассеянно отозвался Кирилл. – Извините за дверь.

– С девушкой поссорился?

Кирилл невольно улыбнулся. Как эти уличные пройдохи умудряются считать человека, не зная его и двух минут?

– Почему с девушкой? Может быть, с начальством.

– Э, нет! Тогда по-другому хлопают.

Кирилл улыбнулся шире и попросил рассказать об удивительном детекторе человеческих судеб.

– Эй, что, протянул таксист и обменялся с пассажиром улыбочивым взглядом в зеркало заднего вида. – Дольше поживешь, и сам поймешь. Когда человек зол, хлопает дверью резко, но так, чтобы пальцы не прищемить. А вот если девушка замешана, но тут уже никакой рассудок не остается.

– Правда?

– Точно тебе говорю. Для того господь и создал женщину, чтобы она с ума мужчину сводила! А крылья, думаешь, почему вашим женщинам бог не дал?

– Почему?

– Чтобы ваши мужчины все время вниз-вверх летали и покоя никогда не знали! Вот для этого и придуманы женщины! А иначе...

– Что иначе?

– Иначе, – крикнул таксист, заходя на посадку резким ме-

сящем. — Было бы в мире слишком много ума. И мир бы от такого умища развалился на кусочки.

— И то верно! — рассмеялся Кирилл. — Теперь я понял! Спасибо.

Он расплатился личной картой и закрыл дверь как родную. Таксист кивнул «Будь здоров» и снова взлетел, а Кирилл спустился на лифте в подвальный этаж, который занимала администрация «Желтого куба», одного из рьяных новичков поп-индустрии. Их артисты вирусилась в интернете и активно вытаскивали «мэтров» из радиочартов. Их политика была довольно агрессивной, но гораздо важнее — она была инновационной. Вместо солидных арен, альбомов и отшлифованных фонограмм они делали ставку на интернет, сольники и фан-сообщества. Новые звезды завоевывали фанатов не столько голосом, сколько живым общением, открытостью и подстройкой «я свой, я разделяю твои убеждения». И пока большие арены кряхтели и воняли снобизмом, Кирилл решил ухватить поток раньше, чем он превратится в вихрь. Поэтому и убедил владельца ГТБ-Арены заключить контракт с «Желтым кубом».

Парнасов вытянул ее за руку наверх, и они, как сумасшедшие, пробежали прямо по столу и выскочили из аудитории первыми. Виктор прислонился к стене, переводя дыхание. Сакураи смахнула с лица локон:

— Я никогда в жизни не бегала по столам!

– Только не рассказывайте, пожалуйста, что это я вас научил! – Он поднял брови домиком и изобразил раскаянье.

– Не буду, – с улыбкой пообещала Сакураи и обернулась. Ученые разные степеней и званий выходили из аудитории, точно как студенты с затянувшейся лекции: одни торопились, другие шли нарочито медленно, кто-то шутил и смеялся, кто-то устало тер глаза и переносицу.

– Я весь день не мог до вас дозваться.

Парнасов коснулся ее локтя, Сакураи вздрогнула и подняла на него взгляд. Он оказался ближе, чем она рассчитывала, и его крылья снова прикрывали ее от света коридорных ламп. Желтые казенные блики искрами застряли в его растрепавшейся прическе, а в расширенных зрачках отражалась Сакураи целиком.

9.

Унижение

На улице было уже темно, зажглись фонари, площадь перед Саммит-центром опустела, только внутри оставались пятна желтого света: там, где проходила выставка научных достижений и медицинских товаров. Парнасов вел Сакураи вдоль парапета, центр которого занимала клумба с желтыми и круглыми, как помпоны, цветами. Свежий ветер забирался под одежду и неприятно щекотал, вызывая мурашки.

– Где же она? – пробормотал Парнасов и прикрыл плечи своей спутницы крылом, разогнал по нервам пламя, чтобы стало теплее.

– Возможно, мы разминулись.

Сакураи выглянула из-за крыла с лоснящимися чешуйками на первом пальце, видимо, от частой работы в лаборантском халате. Парнасов не ответил, вглядываясь куда-то в противоположную сторону. Потом приобнял крылом, направляя, и повел Сакураи к боковому входу. Из распашной двери вышла женщина в черном тренче и молодой дракон, показавшийся знакомым.

– По крайней мере, они тебя запомнят. В следующий раз они наберутся достаточно зрелости, чтобы выслушать ваш доклад. К тому времени появится достаточно публикаций. Вы начали рассылку синопсисов?

– Да, профессор.

Когда пара приблизилась, Сакураи узнала: это был тот незадачливый лаборант с органами тритонов, которому устроили обструкцию.

– Профессор, позвольте представить вам доктора Сакураи Токо.

– Наслышана, – Соловьева ответила на вежливый поклон и представилась сама. — Вера Анатольевна Соловьева, профессор, заведующая лабораторией нейрологических исследований. Слышала ваш доклад вчера. Похоже, мы работаем в смежных направлениях.

– Да, – снова поклонилась Сакураи.

– Не хотите поработать в моей лаборатории?

Сакураи смутилась всего на долю секунды.

– Ваше предложение звучит перспективно. Полагаю, мы могли бы обсудить условия.

– Деловой подход, – одобрительно хмыкнула профессор. — Тогда предлагаю встретиться завтра в лаборатории, в девять утра.

Она поискала в сумке, имитирующей акульную кожу, и протянула визитку. Сакураи внимательно изучила картонную карточку, поднеся в свет фонаря. Лицевая сторона разделена диагональю на белый и синий треугольники, черным лаконичным шрифтом обозначено название, адрес и контакты лаборатории. На обороте — ФИО Соловьевой, номер гонца и пустая линейка, видимо, для времени. Сакураи достала руч-

ку из сумки с нетбуком и вписала: «09:00 мест».

– Вам нужна помощь, чтобы добраться? – осведомился Парнасов.

– Благодарю, я вызову такси, – отказалась Сакураи и замялась, не зная, насколько вежливо сейчас упоминать о Кирилле.

– Доброй ночи, – попрощалась Соловьева.

– Подождите. Я хотела бы приехать не одна.

– С кем же? – приподняла бровь профессор, и ее сухое лицо стало еще более угловатым.

– С потенциальным испытуемым.

Соловьева подняла и вторую бровь и заинтересованно подошла ближе.

– Вы нашли пациента X так быстро?

– По правде говоря, это он нашел меня. Но есть небольшая проблема, кажется... Я не уверена.

– Так есть проблема или нет?

– Его зовут Кирилл Воронцов...

Профессор стиснула челюсти и выпрямила спину, как будто волк встал на лапы при виде врага.

– Его случай не подходит для вашего исследования.

– Почему? У Кирилла полная сохранность структуры, за исключением нервов нитевидных мышц. Его случай нагляден.

– В рамках ваших умозаключений, которые вы озвучили, целесообразно сосредоточиться на пациентах после травм.

– А Кирилл?

– Клинический урод.

Сакураи подумала, что ослышалась, но Парнасов тихонько подтвердил слова профессора. Лаборант поправил очки-консервы и набрал воздух в легкие, чтобы спросить или закатить лекцию с объяснением, но только закашлялся и торопливо отошел.

– Безусловно, вы правы насчет диагноза. — Сакураи вздрогнула и торопливо высвободилась из-под крыла Парнасова. – Но почему же я не подхожу как пациент X?

Он переоделся в легкий спортивный костюм, белая ветровка отражала свет фонарей, как рассеиватель. Ветер распушил кудряшки, а от холода кончик носа и уши покраснели, но он держал руки свободно вдоль тела, а спину прямой. Он легко шагнул в круг света, и от его ног крестом раскинулись четыре тени.

– Если все такие, как вы, – прозвенела профессор, – вознамерятся штурмовать небо, общество погрязнет в хаосе.

Сакураи ощутила холод между лопатками. Как же хорошо ей был знаком этот тон. Она научилась справляться с ним, вежливо кланяться и отвечать нейтрально-этично. Но сейчас она как будто снова оказалась на третьем курсе медфака, и солидный профессор с аккуратной бородкой, кивая, как конфуцианский философ, объяснял ей, что женщинам не нужно образование, они выйдут замуж и станут домохозяйками, а потом, учась в университетах, лишь занимают места, кото-

рые можно было отдать юношам.

Соловьева развернулась корпусом к Кириллу, и вся ее поза демонстрировала холодное превосходство. Бескрылый вежливо кивнул и улыбнулся, но улыбка вышла нервной.

– Я не думаю, что тех, кто достигнет неба, среди таких, как я, будет много, профессор. Не будь я прямым потомком Воронцовых, я бы давно сдался.

Из груди Соловьевой вырвался сдавленный смешок, похожий на карканье вороны, губы растянулись в кривой улыбке.

– Сопляк. Ваше место у материнской юбки.

10.

Ночные огни

Сколько раз он уже слышал подобное! Почему это до сих пор так больно? Как будто клеймят каждый раз на новом месте, выбирая, где повыше чувствительность. Кирилл попытался выдавить из себя светскую улыбку, но вышло криво. Он сам ощутил, как лицо искажает гримаса. Но он нашел в себе силы кивнуть и сделать шаг назад. Соловьева решила, что это признание поражения. С ее губ сошла еще одна едкая реплика, теперь уже в адрес матери — у Кирилла потемнело в глазах от злости, и он сжал кулаки, чтобы не сказать лишнего.

Сакураи вздернула подбородок и шагнула между ним и профессором.

— Я услышала ваши аргументы и уважаю вашу позицию. — Она поклонилась с легким изяществом, доступным лишь азиатским девушкам. — Однако я крайне заинтересована в изучении именно этого случая. Мне очень жаль, что мы не сможем сотрудничать с лабораторией «Импульс».

— Мне тоже жаль, — отозвалась Соловьева, развернулась на каблуках и двинулась в сторону лифта. Очевидно, на взлетной площадке ее уже ждало такси.

— Вы ведь еще побудете на Равнинах? — быстро спросил Парнасов у Сакураи и после ее кивка добавил уже на ходу: —

Я постараюсь ее переубедить. Не отчаивайтесь!

Он и лаборант в очках-консервах догнали профессора и скрылись в кабине лифта. Сакураи повернулась к Кириллу. Он пожал плечами.

– Вы сами виноваты. Нужно было подробно объяснить ситуацию, я бы не начала этот разговор, и вам не пришлось бы выслушивать.

– А?..

– Ничего.

Она фыркнула и быстро зашагала в непонятном направлении. Кирилл спохватился и догнал ее, хотел крылом укрыть от ветра, но она раздраженно дернула плечом – пришлось оставить вежливость при себе.

– Вы на меня злитесь? За что? За то, что я пришел? Или за то, что пришел слишком поздно? Доктор Сакураи!

– Да какое вам дело, злюсь я или нет?!

Он сбился с шага и остановился, она повернулась, сверкая глазами, как разъяренная тигрица. Будь у нее хвост, он неистово бился бы о воздух.

– Я не хотел вас расстроить.

– Это невозможно! – Она опять развернулась на пятках и зашагала с целеустремленностью императора и снова резко остановилась и обернулась. – Почему вы не злитесь! Почему не возмущаетесь? Это ведь я подвела вас... Как это на вашем языке!

– Да все в порядке... – Он так растерялся, что мог толь-

ко улыбаться и примирительно помахивать руками, как испуганный тиранозавр.

– Совсем не в порядке!

– Да мне постоянно говорят что-нибудь в этом роде. Я каждый раз злюсь, но это каждый раз бессмысленно. Я знаю, что не отступлю, и они знают, что я не отступлю. Это бесполезное сотрясание воздуха, вот и всё.

– А я злюсь!

– Из-за лаборатории?

– И это тоже. – Она вздохнула и стала как будто ниже ростом. – Не похоже, что профессор изменит свое решение. Вопрос затрагивает этику, а не логику.

– Просто поищем другую лабораторию. – Сакураи скептически качнула головой, Кирилл развил свою мысль: – Я знаю минимум пять институтов, где работают над похожими проблемами.

– Пять? Это мало. Но лучше, чем ничего.

Она улыбнулась уголками губ и поежилась от ветра. Кирилл приподнял левое крыло, и Сакураи с готовностью нырнула под теплый полог.

– Удобно, правда? – Она неопределенно хмыкнула. – Голодны?

Она кивнула, и он вызвал такси. Желтый автолет с синими «огурцами» приземлился на ближайшую парковку через 15 минут. Сакураи тут же забралась на заднее сидение, Кирилл устроился рядом. Автолет прокатился по короткой

взлетной и взмыл в небо. Город упал, превратившись в озеро золотого и красного света. Сакураи прижалась к окну, вглядываясь в мелькающие улицы. Кирилл смотрел острые плечи под тонким жакетом, россыпь темных волос, тонкое запястье, небрежно лежащее на сумке для ноутбука, и сердца незнакомо и томительно сжималось. Не хотелось думать ни о крыльях, ни о Меньшиковых, ни о матери, ни о владельце. Хотелось вечно лететь в этом теплом такси, не отрывая взгляд от тонкой фигурки у окна.

– Куда мы летим?

Он смутился и почесал нос. Она заглянула ему в лицо – кровь ударила в скулы и уши.

– В... В ресторан. Ничего такого...

– Дорогой?

– Кто?.. Нет. То есть. Хороший ресторан. Оттуда красивый вид на город.

– Почему вы смутились?

– Я? Нет. Я... Здесь просто жарко.

Он откашлялся и сдвинулся подальше, уставился в окно и сцепил руки на коленях. Сакураи пристально наблюдала за его телодвижениями. Потом повела бровью, отворачиваясь, и подперла подбородок кулаком, как бы скрывая неуместную улыбку. Кирилл смутился еще сильнее и начал вспоминать все знаки после запятой в числе пи.

11.

Сон о голубе

Он сидел напротив и лопотал как ни в чем не бывало. То и дело краснел, и Сакураи заметила, что это естественно для него. От смеха, от смущения, от горячего супа — Кирилл краснел легко, и это ему очень шло. Вряд ли он сам догадывался, насколько очарователен с румянцем на скулах, со сверкающими синими глазами и белоснежной улыбкой. Мысленно Сакураи собирала наблюдения, фиксировала, составляла портрет персональной нормы субъекта. Иногда она слишком увлекалась, и тогда Кирилл спрашивал, все ли в порядке, она смотрит как-то очень пристально.

Еще обнаружилось, что он знаток литературы. Сакураи спросила:

– Почему вы не поступаете на литературный? Зачем идти на экономику и управление?

– Потому что для управления бизнесом литература совершенно бесполезна.

– Я бы в таком случае отказалась от бизнеса. Отец учил меня следовать за своим сердцем.

– Возможно, у нас просто разные культурные установки. Меня учили делать то, что должно. Литературу я могу изучать как хобби, в свободное время. Мне же никто не сможет запретить!

– Верно. Думаю, вы очень целеустремленный человек.

– Мама говорит, что я упрямый и своенравный.

– Правда?

– А почему вы выбрали драконологию? Как получилось, что вы заинтересовались крыльями?

– Это долгая история, – Сакураи отвела взгляд и заняла рот кусочком печеного картофеля.

– Не хотите рассказывать? Не буду настаивать.

Он тоже занялся едой, и Сакураи украдкой наблюдала, как он справляется с вилок и ножом. Он держал приборы как-то по-особому, иначе, чем люди в фильмах или на научных банкетах. Она довольно долго соображала, что отличается. Дело было в том, как лежат пальцы. Из-за этого угол между прибором и запястьем был тупым, локти были опущены ниже, тарелка отстояла от края дальше. Из этих крошечных деталей и складывалось совершенно другое впечатление. Он выглядел утонченным, неторопливым и... аристократичным, что ли.

– Я слишком долго режу картофель?

– Нет. Все в порядке. Почему вы все время спрашиваете? Я просто задумалась.

– Извините.

– И извиняетесь все время. Почему?

– Не хочу вас расстраивать. Вот и извиняюсь.

Он обезоруживающе улыбнулся, и Сакураи недовольно вздохнула. Если уж злилась, ей хотелось прозлиться до конца. А он не давал такого шанса. Как природа создала тако-

го дракона? Драконы вообще бывают миролюбивыми? Разве это не нонсенс?

Они доели, разговор все время обрывался, и Кирилл вызвал такси, чтобы отвезти Сакури в гостиницу, а сам отправился домой пешком. На вопрос «почему», ответил, что хочет пройтись. Она еще долго вспоминала его белую ветровку, отражающую уличные фонари и звезды, мерцающее облачко, уходящее вдаль, остающееся далеко внизу. Его крылья, когда он шел один, были спокойно сложены, правое чуть ниже левого, как будто он оберегал его после растяжения. Спина прямая, руки свободно двигаются – очевидно, его осанкой занимались долго и с пристрастием. «Такое ощущение, что я встретила принца», – подумала Сакураи.

Ее догадка подтвердилась позже. В сообщении от наставницы было два слова: «Сын князя». Сакураи долго смотрела на иероглифы, как будто забыла их значение. Потом открыла ноутбук, подключила к местному роутеру и вышла в сеть. Кирилл Воронцов — младший сын князя Воронцова, тайного советника его величества и владельца... Далее шел перечень двух крупных концернов, нескольких торговых сетей, медиахолдинг и многозначительное «проч.» Сакураи пролистнула ниже и выше, но больше о Кирилле ничего не было. Ни о том, что он администратор ГТБ-арены, ни о том, что его мать – владелец бизнеса. Цензура по-драконьи. Бескрылый – позор для княжеской семьи. И его практически вычеркнули из фамильной летописи. Видимо, вме-

сте с матерью.

– Это кое-что объясняет, – пробормотала Сакураи и растянулась на кровати поверх покрывала. – Нет, это всё объясняет. Он хочет доказать, что не опозорил семью. Для него это вопрос всей жизни. – Она вспомнила шутку в примерке: «Если мама отпустит». – Очевидно, он защищает не себя, а мать. Но почему профессор назвала его клиническим уродом? Для врожденной недоразвитости его правое крыло слишком хорошо выглядит. Возможно, я просто не знаю о каком-то редком заболевании, при котором не формируются нервы нитевидных мышц?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.